

лучше понять пути формирования той или иной народности, особенности традиционного мировоззрения каждой из них.

Ю. Б. Симченко (Москва) рассказал о последней экспедиции Б. О. Долгих на Таймыр (1961), для которой он составил подробную программу исследования шаманизма у нганасан и других народов Сибири. Ю. Б. Симченко, основываясь на этих разработках, осуществил компонентный анализ шаманских актов у нганасан, выявив обязательные стандартизованные действия, относящиеся к различным стадиям шаманского камлания. Н. А. Алексеев (Якутск) в докладе «Основные черты религиозного сознания окружающего мира у бурят, эвенков и тюрков Сибири» высоко оценил вклад Б. О. Долгих в изучение традиционного мировоззрения аборигенов Северной Азии. Докладчик на примерах показал, что при долговременных этнических контактах и прямом смешении различных по происхождению народов, в частности бурят, эвенков и якутов, многие аспекты традиционного мировоззрения не вытесняются, а сосуществуют. Г. Н. Грачева (Ленинград) остановилась на нескольких публикациях Б. О. Долгих в области духовной культуры нганасан с 1938 по 1976 г., показав, как по мере накопления этнографических данных о нганасанах все четче выявляется комплекс верований, связанных с материнским началом. Грачева подчеркнула, что благодаря необычайной точности фиксации материала даже комментарии и небольшие примечания Б. О. Долгих служат отправной точкой для новых исследований.

М. Я. Жорницкая (Москва) рассказала о роли Б. О. Долгих в изучении народной хореографии у коренного населения севера Сибири. Именно им была высказана мысль о том, что материалы по хореографическому искусству позволяют выделить определенные области распространения типов основного танца — хоровода, что обусловлено историей формирования этих народов. Рабочая гипотеза Б. О. Долгих послужила отправной точкой для систематики М. Я. Жорницкой.

На Чтениях присутствовала В. Г. Попова, вдова Б. О. Долгих, которая рассказала о красноярском периоде его деятельности.

Все выступавшие особенно подчеркивали высокие человеческие качества Б. О. Долгих, привлекавшие многочисленных учеников и последователей.

Г. М. Афанасьева

СИМПОЗИУМ «ПРОБЛЕМЫ ЭТНИЧЕСКОЙ СПЕЦИФИКИ ЯЗЫКА КУЛЬТУРЫ»

В Ленинградской части Института этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая Академии наук СССР 22—23 ноября 1983 г. состоялся симпозиум «Проблемы этнической специфики языка культуры». На симпозиуме, собравшем большую аудиторию из представителей научных и учебных учреждений и музеев Москвы, Ленинграда, Тарту, Воронежа, Томска, обсуждались вопросы о пределах и возможностях применения категории «язык культуры» в комплексных этнографических и культурологических исследованиях.

В круг обсуждаемой тематики симпозиума вошли вопросы методологии языка культуры, его роли как способа знакового отражения жизни этносов, а также характеристика языка культуры как этнического определителя. Особый интерес в связи с этим представили разработка и освещение на конкретном этнографическом материале таких аспектов, как проявление этнической специфики материальных и духовных форм культурной деятельности, методика ее выявления, разные варианты отражения этнической специфики в сфере профессионального и традиционного художественного творчества.

Основные задачи симпозиума были сформулированы во вступительном докладе А. С. Мыльников (Ленинград) «Язык культуры и проблемы этнической специфики систем знаковой коммуникации». Находящаяся в центре внимания этнографов и фольклористов этнокультурная проблематика привлекает также внимание историков, филологов, искусствоведов и представителей ряда других дисциплин. Это способствует расширению не только тематики, но и методического инструментария подобных исследований, что влечет в свою очередь обогащение традиционных приемов анализа за счет использования данных различных дисциплин, в том числе семиотики.

Докладчик отметил, что, хотя понятие «язык культуры» появилось сравнительно недавно и связано с развитием семиотики, многие идеи в связи с этой проблемой высказывались и раньше, получив интересное, не утратившее до сего времени своего значения обобщение в трактате Лессинга «Лаокоон».

Прямое отношение к рассматриваемой проблеме имеет выдвинутое К. Марксом и Ф. Энгельсом в «Немецкой идеологии» положение о «языке реальной жизни», выражающем способы общения людей в процессе материального и духовного производства¹.

Большой интерес вызвал доклад А. К. Байбурина (Ленинград) «О языке ритуала». Докладчик понимает ритуал как «программу поведения человека и коллектива в переломных, кризисных ситуациях». Он предлагает различать коммуникативный и семиотический подход при изучении ритуала. В первом случае ритуал — особый тип

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 3, с. 24.

коммуникации, во втором — текст (в семиотическом смысле). С коммуникативной точки зрения всякий ритуал может быть рассмотрен как своего рода обмен, диалог, а с позиции семиотики этот диалог и будет текстом. Характерной особенностью такого текста является субстанциональная разнородность его элементов. Текст ритуала, как правило, содержит знаки всех семиотических систем, используемых коллективом (слова, жесты, мимика, пение, хореография, вещи, состояния, образы, поступки и др.). Субстанциональная разнородность элементов ритуала снимается тем, что все они функционируют в ритуале как знаки. Это и дает возможность применять понятие «язык» по отношению к ритуалу. Ритуал может рассматриваться как единый текст с единым кодом и как совокупность текстов с соответствующей совокупностью кодов. С точки зрения докладчика предпочтителен первый подход, так как разные средства выражения реализуют одну и ту же глубинную смысловую парадигму.

Особое внимание А. К. Байбурина уделил проблеме семантики ритуальных символов. Как правило, они многозначны, но в зависимости от того, в какой части ритуала (или в каком ритуале) используется данный символ, актуализируется одно из присущих ему значений. В первую очередь это относится к символам, которые автор называет «сквозными», т. е. используемыми в разных ритуалах. К их числу относятся элементы одежды, пищи, некоторые растения, животные и т. п., которые составляют основу символического фонда культуры.

О сложности понимания этнических особенностей языка культуры говорила в докладе Г. Н. Грачева (Ленинград). На нескольких примерах из своей полевой работы и из литературных источников по культуре нганасан она наглядно показала трудность фиксации и интерпретации материала по мифологии и верованиям. Знания языка не всегда достаточно, чтобы вовремя обратить внимание на особое поведение во время выполнения обрядов, понять и правильно объяснить тот или иной семиотически значимый элемент. Только по мере накопления данных, иногда выявляющихся случайно при полевой работе, такие символы находят место в описании культуры, им может быть найдено соответствие в системе языка иной культуры. После этого символы становятся переводимыми.

В докладе Ю. В. Ионовой (Ленинград) рассматривались природные знаки-символы (горы, деревья, камни) в ритуалах корейцев. Различная степень сохранности этих символов в годичном сельскохозяйственном цикле, по мнению докладчика, свидетельствует о сложных иерархических отношениях в социальной и религиозной жизни общества.

Знаково-символической специфике свадебной обрядности был посвящен доклад Л. В. Марковой (Москва). Свадебный обряд как ритуализированная форма брачно-родственных отношений рассмотрен во взаимоотношении с формами и структурой семьи. Текст свадебного ритуала — слова, песни, жесты, музыка и танцы, специальный реквизит, костюмы — отражают особенности мышления данного народа, его систему ценностей. Докладчица показала особенности эволюции свадебной обрядности, сопоставив традиционный и современный ритуал у болгар. Она обратила внимание на перекодировку значений образных средств в соответствии с меняющимися условиями жизни народа.

«Реализация традиций и инноваций в поведенческих стереотипах на примере обряда примирения кровников в горных зонах Балкан и на Кавказе» — тема доклада Ю. В. Ивановой (Москва). Кровная месть, по мнению докладчицы, отражает определенное видение мира переходного периода от доклассового общества к классовому (эпоха господства обычного права). В средние века этот институт, включенный в «кодекс чести», приобрел значение мистическое, почти сакральное. По отношению к институту кровной мести сама возможность примирения — замена человеческой жизни ее материальным эквивалентом — является инновацией. Церемония примирения разработана до мельчайших подробностей как сценарий театрального представления, где действия и реплики участников заранее известны (но от этого не теряют своего эмоционального воздействия). Применяется особый язык жестов, речевых клише, символов. Кровная месть и примирение ее участников причисляются к культурному фонду эпоса. Таким образом, они входят в этнокультурный стереотип и служат объективизации этнического самосознания.

А. Н. Анфертьев (Ленинград) в докладе «Лингвистические аналогии и метафоры в теории культуры» показал, что перенос лингвистических понятий и терминов в другие культурологические дисциплины не только приносит ощутимые выгоды, но и таит в себе определенную опасность. Докладчик считает, что терминологический взаимообмен между различными отраслями науки неизбежен там, где налицо общность процедур или сходство объектов. Но перенос термина влечет за собой и перенос связанного с ним понятийного образа, а это ведет к моделированию в сознании исследователя «своего» объекта по образцу «чужого» и, следовательно, может существенно исказить представление о «своем» объекте. Подобные искажения, в частности, характерны для адептов так называемого «общесемиотического» подхода.

В докладе А. Д. Дуличенко (Тарту) «Этнокультурные функции славянских литературных микроязыков» язык рассматривается как высокоорганизованная и эффективная семиотическая система, скрепляющая этносоциальную общность и являющаяся ее выразителем. Основное внимание обращено на анализ взаимосвязи этнического и языкового в период так называемых «малых возрождений» у югославских русин, градишанских хорватов, банатских болгар и др. Докладчик отметил, что создание литературного языка для микроразночтосов является наиболее действенным фактором самосохранения. В докладе предлагается этническое «прочтение» грамматик и лексикографических кодификаций: у югославских русин тяга к украинскому этносу —

корню, у градищанских хорватов — к общехорватскому и т. д. Литературный микро-язык является надежным мостом, который связывает островной микроэтнос с этносом-ориентиром или этносом-корнем.

Я. В. Чеснов (Москва) выступил с докладом «О символике человеческого тела», написанном на материале ряда мифологических традиций и развитых натурфилософских учений. Он показал тесное переплетение народных представлений об антропогенезе, смысле жизни и ценности человеческого тела. Докладчик проследивает структурные взаимозависимости представлений о факторах жизнедеятельности: материальная субстанция тела, оживляющий принцип, творческий целеполагающий дух. Особая роль в этих структурах отводится сознанию, олицетворенному собакой, позиция которой, как правило, двойственна: она и друг, и враг человека. Далее в докладе анализировались две линии представлений о человеческом теле: 1) тело как носитель космического света («тело — свет») и 2) тело как оболочка, скрывающая систему внутренних органов («тело — оболочка»). Правила гигиены, пищевые обычаи, система поведенческих жестов и т. д. по разному представлены в локально-этнических культурах.

Идея Шакти в индо-непальской храмовой архитектуре как развившаяся из собственного мифопоэтическому сознанию представления о женском энергетическом начале рассматривалась П. Д. Сахаровым (Москва). Докладчик рассмотрел две основные формы выражения идеи Шакти в индуистской и джайнской храмовой архитектуре: 1) основывающуюся непосредственно на идеологеме Шакти (храмовые изображения богини-матери, супружеских пар великих богов, эротических сцен); 2) обнаруживающую архаические представления о женском энергетическом начале (группы женских божеств — часть скульптурной декорировки храма, рассматриваемые как образ мирового дерева).

В докладе Л. Л. Викторовой (Ленинград) «Традиционная культура народов Центральной Азии как этнический разграничитель» выделяется и исследуется культурный комплекс монгольских народов. Докладчица отмечает, что несмотря на длительные межэтнические контакты, культурный комплекс монголов отличается от такового у тюркских, иранских и тунгусоязычных народов. В процессе развития монголов культурный комплекс имел важнейшее значение в сохранении их этнической общности.

Е. С. Новик (Москва) рассмотрела характер коммуникации, возникающей в обрядовых акциях шаманов, отражение в этих акциях традиционной мифологической картины мира. Она продемонстрировала уникальный кинофильм о камланиях якутских и эвенкийских шаманов. Фильм имеет исключительное значение для исследователей, он сохраняет уходящие обряды, костюмы, различные атрибуты шаманской практики, потеря этих материалов была бы невозможной уже через несколько лет.

В представленных докладах язык культуры рассматривался как системное единство, как комплекс элементов культуры в ее историческом развитии. В последние годы как в Советском Союзе, так и за рубежом наметилась тенденция к расширению самого понятия «язык» за счет включения различного рода семиотических знаковых систем как способа передачи информации. Такой подход получил отражение в той или иной форме и в докладах, он оказался продуктивным и в комплексных этнографических исследованиях, и в конкретных изучениях отдельных элементов культуры, таких, как архитектура, театр и др.

И. А. Осницкая

КОРОТКО ОБ ЭКСПЕДИЦИЯХ

Очередная экспедиция Мышкинского народного музея (июнь 1982 г.) была посвящена сбору предметов народного быта, главным образом прялок, для создающейся в музее коллекции. Экспедиция (12 чел.) была организована Советом музея. В нее вошли учащиеся старших классов средней школы райцентра и молодые рабочие местных предприятий. Все они с детства занимаются в музее и имеют определенные навыки собирательской работы.

Работу экспедиции направляли общественные сотрудники музея, сотрудники редакции местной газеты, районного отдела народного образования, спортивно-технического клуба ДОСААФ.

Две недели экспедиция работала в Верховажском и Сямженском районах Вологодской области, преимущественно в селениях, расположенных по р. Вага.

Начав с районного центра Верховажье, экспедиция двинулась вверх по течению реки к селениям Двиница, Режа, Гора, Сондуга, Монастырщина. Каждое из них объединяет большую группу мелких селений, сложившихся вокруг наиболее значительного, давшего свое название целой местности.

За время работы было собрано более 90 предметов старого крестьянского быта: прялки, деревянная посуда, образцы крестьянской одежды, росписи по дереву, плетения из бересты.

Деревянной посуды в этих местах меньше, чем, например, в Кировской области или в более южных Междуреченском и Грязовецком районах Вологодской области, и резана она упрощенно, зачастую примитивно. Сейчас из такой посуды кормят домашнюю птицу и поросят; иног-